

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

экскурсия для читателей

В ГОСТИ К ПОЭТУ

...Миновали сады и поля известного совхоза Варцixe с его старейшим в республике виноградом. Дальше дорога из Кутаиси на родину поэта пролегла через заповедный Аджаметский лес. Потом шоссе, повернув, выскакивает к Ханисцхали, бежит по берегу широкой и бурной реки. Стела в форме раскрытой книги с изображением поэта встречает гостей у въезда в бывшую грузинскую «глубинку» — славное имеретинское село Багдади. Ныне это благоустроенный город Маяковский — центр сельскохозяйственного района Западной Грузии, известного виноградарством и животноводством.

А вот и цель нашего путешествия — просторный дом из каштановых бревен, с традиционной широкой террасой, прочно стоящий на столбах, сложенных из кирпича и камня. Когда-то он принадлежал крестьянину К. Кучухидзе, а жила в нем, снимая квартиру, семья лесничего Владимира Константиновича Маяковского. Добротные стены потемнели от времени, дому — сто тридцать лет. Не меньше лет и громадной раскидистой груше возле дома. Ствол ее покрыт зеленым бархатом мха. Тяжелые ветки нависают над крыльцом. Невольно пытаешься представить, что плодами с этого дерева лакомился маленький Володя Маяковский. А позже вспоминал: «Арифметика казалась неправдоподобной. Приходится рассчитывать яблоки и груши, раздаваемые мальчикам. Мне ж всегда давали, и я всегда давал без счета. На Кавказе фруктов сколько угодно». По этим ступеням он избежал на террасу, отсюда детским голосом пытался перекричать немолкающий день и ночь гро-

ям близких, обладал большой и глубокой силой чувства к детям — своим, чужим, к родным, к животным, к природе... С природой он был как бы слит, любил и понимал ее всем своим существом. А голос, громко-подобный грудной бас, целиком передался сыну.

Вечерами при свете керосиновой лампы семья собиралась за общим столом в огромной комнате, служившей и уютной гостиной, и столовой. Дарбази — так она зовется по-грузински. Это, пожалуй, целый зал.

Лес в те времена подходил к дому вплотную. Крестьянские дворы в селении стояли редко, на большом расстоянии друг от друга. «Отец стал брать меня в верховые объезды лесничества. Перевал. Ночь. Обстигло туманом. Даже отца не видно. Тропка узейшая...». Так поэт писал в автобиографии «Я сам». Сестра Людмила припоминала такой случай: «Отец шел, беседуя с объездчиком, потом оба замолкли... Через некоторое время отец обернулся к спутнику, но его уже не было — он провалился в пропасть...».

Остроумно замечено, что сама природа Кавказа с его контрастами — прекрасный памятник Маяковскому. Посмотрите на мужчин из горных селений Гурии, Верхней Имеретии. Каждый из них подобен крепости. Ничего удивительного. Рядом — ущелья, острые скалы, головокружительные обрывы, а сверху ослепительные вершины. И всегда риск сломать себе голову. Чувство опасности делает человека или робким и боязливым, или смелым и отважным, но всегда — бдительным, враждебным, готовым к сюрпризам стихий и случайностей.

Вот это как бы постоянное

ли «Родину», но быстро обнаружилось, что журнал реакционного направления, и подписку не возобновили.

Подлинное, воспитанное в нем с детства отношение Маяковского к русской классике выражалось не только в том, что он мог публично и без запинки прочесть наизусть длинейшую главу из «Онегина». Иногда незначительный факт, фраза, деталь говорит нам о явлении в целом. В последний год жизни поэт, узнав, что В. Э. Мейерхольд собирается ставить фильм по роману «Отцы и дети» Тургенева, совершенно серьезно и настойчиво, как пишет режиссер, «сделал мне заявку на роль Базарова».

Минуют годы. Семья Маяковских навсегда переедет из Кутаиси в Москву. «Снижаются горы к северу. На севере разрыв. Мечталось — это Россия. Тянуло туда невероятнейшее». Но обычаи, нравы земли детства, ее краски, запахи, образы, конечно, будут проявляться потом в его поэзии, дружбе, широте характера, манерах, смехе и даже шутках.

...Зал Политехнического бурлит. Маяковский появляется на эстраде. Хлопки, разговоры, пререканья, шиканья стихают... Он мрачно-весело вглядывается в зал, осматривает партер. Потом поднимает глаза на галерку и голосом густым, как тромбон, басит:

— Эй, галерка, студенты!.. Прощу сюда!

И широко жестом приглашает занять свободные места в партере.

Веселая толкотня, топот, грохот стульев... «Галерка» хлынула вниз, занимая места, ступени, проходы... Перекрывая шум зала, Маяковский широко-вещательно констатирует:

— Горные жители спускаются в долины!..

В ответ зал взрывается хохотом и гремит аплодисментами...

А поэту зал Политехнического, возможно, видится сейчас амфитеатром гор, ряды кресел — террасами на склонах, возделанными виноградной лозой, проходы — ущельями...

Разумеется, истоки поэтических озарений не только в первоначальных впечатлениях, в природе Грузии или Кавказа, они глубже — в природе человеческого. Разгадку феномена поэзии и личности Маяковского справедливо ищут и находят в главном событии XX века — победе Великой Октябрьской социалистической революции. Революция вооружила поэта, дала веру, правду, зрение, красоту.

Если революция, по Блоку, сродни природе, то Маяковский стал самим поэтическим голосом этой природы, раскрывшим и выразившим ее суть с наибольшей полнотой. Вот и весь «гениальный» секрет, отчего нас никогда не перестанут волновать гражданственность поэта, глубочайший демократизм, несокрушимость духа, великодушное чувство хозяина и защитника нового мира... Они — эти качества — сродни человеческой природе. В них отсутствует фальшь.

География любви и ненависти поэта с каждым годом расширяется, растет, становится глобальной. Хозяин нового мира, он еще и «должник вселенной». И чувствуя себя в «неоплатном долгу» «перед всем, о чем не успел написать», он по праву включает в это целостное глобальное «все» и «багдадские небеса» своего детства.

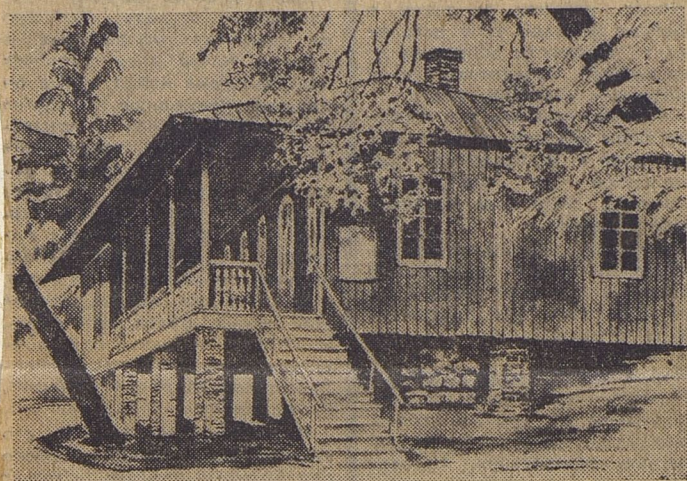
Но все это, как говорится, в будущем. А пока мы в родном селе поэта, теперь городе его имени, который одновременно и центр колхоза имени В. И. Ленина.

— Наш район виноградарский, — рассказывает секретарь райкома партии Р. Кбилашвили. — Причем у нас хорошие сорта винограда. И хорошие вина. Например, «Цоликаври». Ежегодный сбор винограда больше двадцати тысяч тонн.

За беседой вспоминаем заодно, каким знатоком виноградных вин слыл Владимир Владимирович. Зато уж, по свидетельству очевидцев, никогда не впадал в крайность. Водки не признавал.

Здесь в Маяковском, как и в других районах Западной Грузии, ждут золотой осени. Ждут праздника труда — ртвели, — так в Грузии называют период сбора янтарных гроздьев винограда. В этом году ртвели предшествует другому замечательному событию — 200-летию Героиевского трактата. А пока город Маяковский готовится встретить гостей на юбилейные торжества, посвященные празднику всей советской поэзии.

С. РУНГЕ,
кинодраматург.
Рисунок автора.
КУТАИСИ — МОСКВА.

хот Ханисцхали, стремительно несущей свои воды совсем близко от дома...

Вставали рано. В теплое время чай пили на балконе в семь часов утра. Начиналась трудовая жизнь.

Шум воды проникает и за закрытую дверь, в покои комнаты. Может быть, рокот горной реки и было то первое, что услышал младший в семье — будущий поэт, появившись на свет в июльский день девяносто лет назад, как о том свидетельствует запись в метрической книге села Сакопадзеви (Верхние Багдады).

Хозяин дома горячо и от всей души поздравил с радостным событием лесничего, который оказался двойным именинником. Мальчик родился в день рождения отца. Потому и назвали его Владимиром.

— А вашему сыну я желаю, чтоб он стал провизором!

Это не было насмешкой. Дети часто болели, а врача приходилось везти из Кутаиси за двадцать семь верст на извозчике. При условии, если согласится врач. И согласится извозчик.

Пожелание Кучухидзе-деда не сбылось. Увы! Или, вернее, к счастью! Но вот наверняка не предполагал дед, что его дом станет когда-нибудь музеем, где побывает со временем миллион посетителей. А старший научным сотрудником, а потом директором музея будет Н. Кучухидзе — его собственный внук, который вдобавок ко всему и поведал нам девяносто лет спустя об этом эпизоде.

В комнатах любовно воспроизведена обстановка тех лет, когда тут жила семья Маяковских. Вот кабинет отца: письменный стол, деловые бумаги, на стене — оленьи рога, ружье, черная кавказская бурка... Под стеклом — репродукция картины любимого художника И. Шишкина.

Багдадский участок Кутаисской губернии — это и 50 тысяч га лесов, протянувшихся до Абустамани. Они были в ведении лесничего, которому подчинялись восемнадцать объездчиков.

Высокий, чернобородый, загорелый, веселый и впечатлительный отец, по воспоминани-

соседство крайностей, вершин и бездн, близость поэтому к земле-спасительнице и всегдашняя, выработанная необходимостью противостоять этому миру, полному красоты и угрозы, — разве они не составляют обаяние поэзии Маяковского и самого облика ее творца?

Любопытно задуматься и над тем, почему многолетний друг Владимира Владимировича и его поэтический соратник Н. Асеев связывает широкий размахистый жест Маяковского с привычными для него в детстве условиями «постоянного нахождения на свежем воздухе», а громкий голос — с шумом горных рек, который надо перекидывать...

Находя интересные черточки, анализируя и объясняя их, Асеев старается быть объективным. Мол, это, конечно, мелочь, но из тех мелочей, на которых строится образ Маяковского. Сподвижник поэта напоминает о живописной манере, особенно раннего творчества, пестроты, богатстве словесной палитры, связывая их с первоначальными впечатлениями, которые Маяковский «внес из окружавшей его в детстве природы и среды. И это не было выставлено критиками в его биографию».

В лесах его детства водилось множество зверей: джейраны, кабаны, медведи, лисы, волки... Иногда объездчики приносили дичь зверей. Дети любили животных, в особенности Володя. Не уставал с ними возиться. Выучившись читать, он часто брал книги и отправлялся в сад. Ложился на траву под деревом и долго читал. А две-три собаки непременно сторожили его. Собаки, можно сказать, сопровождали Маяковского всю жизнь.

В дарбази, общей комнате, где собиралась семья, над этажеркой с книгами висит фотография — групповой портрет писателей, авторов «Современника». Несмотря на удаленность Багдади от культурных центров, семья Маяковских жила передовыми, демократическими идеями русской литературы и общественной мысли. Выписывали газеты и журналы: «Вокруг света», «Юный читатель». Одно время получа-